

Книги Дмитрия Старицкого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ГОРЕЦ. ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ
ГОРЕЦ. ОРУЖЕЙНЫЙ БАРОН
ГОРЕЦ. ИМПЕРСКИЙ РЫЦАРЬ
ГОРЕЦ. ГРОМ ПОБЕДЫ
ГОРЕЦ. КРОВЬ И ПОЧВА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДМИТРИЙ СТАРИЦКИЙ

ГОРЕЦ.

КРОВЬ И ПОЧВА

РОМАН

Москва, 2019

ЭАРМАДА

&

«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С77

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1166

Художник
М. Поповский

Старицкий Д.

С77 Горец. Кровь и почва: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2895-3

За несколько лет пребывания в другом мире бывший землянин, студент сельскохозяйственной академии Савва Кобчик, сделал головокружительную карьеру от необученного по тамошним меркам солдата до известнейшего военного деятеля, необычайного императорского комиссара, наделенного огромными полномочиями. Теперь он еще и барон Бадонверт, владелец многих предприятий, приносящих неплохой доход. Счастливо женат, имеет сына и с неумной энергией продолжает свою активную деятельность на благо себе, императору, стране и миру. И все это могло бы длиться еще многие годы, однако жизнь неожиданно сделала обратный поворот...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Дмитрий Старицкий, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2895-3

1

В конце января на избрание нового императора электоры собрались, как положено по древней традиции, «на костях», то есть в том же здании, где умер предыдущий монарх империи — Отоний, в его охотничьем замке близ столицы, уютном милом поместье с небольшим двухэтажным дворцом, больше приспособленным для семейного проживания, нежели для парадной жизни, и находящимся при нем аккуратным поселением придворных и дворцовых служителей, обслуживающих императорскую охоту.

В тот же день объявили городу и миру решение съезда электоров. Новым императором четырьмя голосами против двух был избран Бисер Первый, кронпринц королевства Ольмюц. Его единственный соперник по баллотировке граф Тортфорт-старший потерпел поражение.

Остальных претендентов отсеяли электоры единогласно еще в первом туре голосования.

Официальную коронацию и парад назначили через неделю на шестое февраля.

Но уже тридцать первого января охотничий замок, где проходил традиционный торжественный обед, который новый император давал электорам и их малым свитам после принятия новым монархом присяги на верность империи, взлетел на воздух. По слухам, мгно-

венно разбежавшимся по городу, там погибли все, кто в тот момент находился в здании. В том числе и новый император Бисер Первый.

Как стало известно намного позже, граф Тортфорт, едва весть о взрыве дошла до города, поспешил обвинить в теракте Лигу социальной справедливости. Одновременно было широко объявлено, что интеррекс князь Лоефорт погиб вместе с остальными электорами и императором, и Тортфорт, как полковник императорской гвардии, взял и объявил себя временным верховным правителем империи. О чем тут же его сторонники стали распространять соответствующий манифест. И еще граф ввел в столице военное положение.

Долго потом разные комментаторы недоуменно чесали репу, почему именно военное, а не чрезвычайное положение. Военное положение априори давало неограниченные полномочия главнокомандующему на еще не закончившейся официально войне. Но... фельдмаршал граф Аршфорт числился в списке приглашенных на роковой обед, и Тортфорт, возможно, посчитал его погибшим среди прочих. А вот то, что младший Бисер неожиданно нашел фельдмаршалу более срочное занятие, чем подхарчиться на халяву на императорском банкете, до публики доведено не было. Других логических объяснений не нашлось. И как бы там ни было на самом деле, но в момент взрыва фельдмаршал находился в тридцати трех километрах от его эпицентра.

Имперская контрразведка, которую так и не успел распустить покойный император Отоний, заявила о полной поддержке графа Тортфорта как верховного правителя. Камеры в подвалах ее столичного здания спешно приводились в порядок и уплотнялись к приему новых посетителей. И даже освобождались от неперс-

пективных узников, выбрасывая их в первобытное состояние на улицу.

Однако Лига социальной справедливости вопреки своему обыкновению не спешила брать на себя ответственность за ликвидацию всей верхушки империи. Лига была занята более важной и очень насыщенной программой — разгоравшейся гражданской войной в республике. В Лютеце строили баррикады, и адептам лиги стало совсем не до империи. Не так уж и много их было, этих адептов.

Я на этом обеде не присутствовал, так что все интересное пропустил. Во-первых, чином не вышел для такого мероприятия, во-вторых, был занят — гонял своих мехводов на репетиции к коронационному параду. Дело для них новое, неведомое, в котором есть масса всяких хитростей и нюансов, мною пройденных еще в Российской армии. Техника на параде должна пройти ровно, как по линейке, и завораживать обывателя имперской мощью. И ею же пугать потенциальных супостатов.

Сводная ротная коробочка рецких штурмовиков и егерей занималась шагистикой отдельно от техники на соседнем плацу городка гвардейских инженеров.

Но вернемся к охотничьему замку. Круг званных новым императором лиц был весьма узок. В него не вошли даже такие ближники нового императора, как генерал Молас и командор Плотто. Даже сын покойного императора, бывший имперский принц Тон не был приглашен. От Ольмюца присутствовали генерал-адъютант короля Онкен и еще пара-тройка придворных персон, имена которых мне ни о чем не говорили. Не сталкивался я с ними. Примерно такой же узкий состав делегаций был и от других электоров. Мероприятие планировалось хоть и протокольное, но неофициальное: собра-

лись, зафиксировали свое лояльное присутствие пред очами монарха, вкусно поели, поговорили на отвлеченные темы, прощупывая позиции партнеров, и все. Поэтому никаких референтов, бумаг и прочей бюрократии.

Гром от взрыва донесся до военного городка гвардейских инженеров, уже слегка приглушенный лесом. Как только у меня зародилось подозрение о том, что именно произошло, весь ужас случившейся трагедии с заиканием вывалил на нас примчавшийся галопом на взмыленной лошади испуганный вестовой от охраняющих охотничий замок гвардейцев.

То, что случилось, было за пределами понимания аборигенов и своей абсолютной новизной ломало в их представлениях всю картину мира. Но бывшему жителю России двадцать первого века к терактам не привыкать.

Долго я не размышлял. Теракт, он и в Африке теракт. Развернул на плацу бронетехнику, приказал заправить машины водой и керосином под пробку, грузить весь имеющийся в наличии шанцевый инструмент, медицинские комплекты первой помощи и на всякий случай взять полный боезапас. Посадил штурмовиков на броню десантом. А те, кому мест не хватило на броне, разместились на имеющиеся в техническом парке имперской гвардии тягачи и рутьеры. И двинул я все это войско в сторону охотничьего замка изображать из себя МЧС и медицину катастроф в одном флаконе.

Гвардейские императорские инженеры поспешили за мной пешим порядком. С гужевым обозом.

За врачами послали отдельно, с приказом гнать к охотничьему замку всех, кто только подвернется под руку из их сословия.

Через час хода по хорошей брусчатой дороге мы были уже на месте.

Вокруг замка кучковалась, не зная, что им делать, наполовину контуженная рота дворцовых гренадеров. Растерянность среди императорских гвардейцев была полная, до потери ориентации в пространстве и времени.

Я вскочил на крышу броневика и, изображая из себя рассерженного Шойгу, выстрелил несколько раз из пистолета в воздух. И когда привлек к себе внимание, начал раздачу пилюлей, попеременно выдавая ценные указания по разбору завалов.

Не сказать, что я такой уж сильный специалист в этом деле, но, по крайней мере, представлял, что нужно делать и в какой последовательности.

Нарядных гренадеров использовали в качестве грубой рабочей силы. Неча им херней страдать¹. Здоровые отборные лбы, каждый не меньше ста восьмидесяти сантиметров ростом. А физический труд на свежем воздухе — лучшее лекарство от легкой контузии. Мои немногочисленные рецкие саперы взяли на себя функции бригадиров гренадеров. А там и императорские инженеры подтянулись. И появилась возможность перекинуть на знающего человека должность прораба.

В два бульдозерных отвала и один кран сдвигали большие каменные фрагменты обрушившихся конструкций, остальная бронетехника оттаскивала их в сторону тросами на буксире. Стропальщики из штурмовиков были не ахти, но других-то вокруг и вовсе не находилось.

Еще через час адской работы раскопали парадный обеденный зал.

---

¹ Выражение «страдать херней» появилось среди русского народа в Первую мировую войну, когда косящие от армии получали за взятку диагноз *hernia* (лат. грыжа) и соответствующее освобождение от армии. — *Здесь и далее примеч. автора.*

Император и рецкий герцог были еще живы, хотя и сильно контужены. На их счастье, они отошли за колонну из цельного камня перекурить и пошептаться, и эта колонна, сбив их с ног, упала косо на массивную большую малахитовую вазу, оставив им в завале некоторое жизненное пространство. Повезло... Чего не сказать об остальных, заживо раздавленных, гостях и лакеях. Те же, кто на первом глухом этаже пребывали, вдобавок еще задохнулись от ядовитых дымов шимозы.

По мере разбора завалов трупы гостей сносили на боковую парковую аллею и складывали в ряд согласно списку приглашенных, отдельно от них на другой дорожке — придворных и дворцовых служителей, а также внутренний парадный гвардейский караул. Некоторые трупы были настолько обезображены, что их опознали только по характерным деталям одежды и специфическим орденам входящих в империю королевств и герцогств. Церемониймейстера императорского двора узнали только по позолоченному посоху, который упавший ригель вбил в его тело.

Причина взрыва явственно читалась на обломках охотничьего замка. Экразит. Местами развалины оказались окрашены желтой пылью невзорвавшегося пикрина и черными подпалами копоти. Это сколько же взрывчатки заложили, чтобы вызвать такие фатальные разрушения крепкого здания? Кто-то решил действовать наверняка, и чтоб без осечки.

Начавшийся пожар быстро погасили, растащив его и забросав снегом.

Подтянувшиеся вслед за нами гвардейские инженеры готовы были землю есть, доказывая, что боевого экразита на их складах никогда не было. Для полигонных условий им всегда достаточно было аммонала. И вооб-

ще, судя по сохранившимся фрагментам, в качестве основной взрывчатки использовали обычный желтый краситель на основе пикриновой кислоты и нитраты для полевых удобрений. В мешках. Фасовка гражданская. А вот иницирующий состав — тротил. А его так просто не купить. Подрыв осуществили по проводам с помощью динамоэлектрической машинки с речным приводом. Других тут и не изобрели пока. Оставшиеся от взрыва провода нашли достаточно быстро под слоем дерна и раскапывали их почти на километр в сторону от дворца. Причем медные эти провода были не только посеребрены, но и хорошо заизолированы шелковой нитью с битумной обмазкой в несколько слоев. Последний слой был еще и освинцован. Серьезно готовились террористы. Саму адскую машинку не нашли — злодеи, видимо, унесли ее с собой. Остались на месте инициации подрыва только следы от лошадиных копыт, которые зримо уходили на столичный тракт. Ищи-свищи дальше следы на брусчатке. Ловите конский топот, как говорится.

— Морской провод островитян, господин командор, — показал мне ископаемый кусок проволоки с зачищенными концами гвардейский инженер-майор Лебенфорт. — Точно такой же провод островитяне используют для управляемого минного поля в акваториях своих портов. Ему вода нипочем. Может, это вообще были не наши?

— Ага... — усмехнулся я. — Включи мозг, майор. Канавки тут в парке копали и косметику на ландшафтный дизайн наводили тоже моряки с Соленых островов? На виду у всех? В полной парадной форме? Тайно такой объем работ не провести.

Инженер-аристократ совершенно по-простонародному почесал в затылке:

— По крайней мере, господин командор, могу точно сказать, что из гвардейского инженерного городка никого не привлекали для этого. Можно и журналы работ поднять. В том числе и по ремонту инженерных коммуникаций дворца за прошедшие несколько лет. У нас все записано и архивы в порядке.

— Это уже, майор, будете раскапывать не со мной, — сказал я ему, кивнув на подъехавшего верхом к развалинам Моласа в сопровождении небольшой свиты.

Генерал как раз слезал с коня, кинув поводья ближайшему гренадеру. И я поспешил к нему с докладом.

По иронии судьбы император — уже законно избранный Бисер Первый — остался жив и относительно работоспособен. Синяки, шишки и переломанные пальцы не в счет, как и легкая контузия. По крайней мере, разговаривал он здраво.

А вот рецкий герцог Ремидий, который прикрыл собой Бисера, был плох. Ему кроме контузии еще отдалило ноги каменной балкой.

Военные гвардейские врачи разворачивали палатку полевого госпиталя и готовили герцога к ампутации голени. Иначе они гарантировали ему не быструю, но мучительную смерть от неминуемой гангрены.

— Савва, — позвал меня Ремидий к своему ложу и, преодолевая боль, приказал: — Гони сюда срочно двух нотариусов из города, пока меня еще резать не начали. И позаботься о моих внуках. Они и тебе не чужие. Обещай.

Я держал в ладонях руку герцога, и из моих глаз непроизвольно катились слезы.

— Обещаю, — выдавил из себя шепотом, прямо глядя в его глаза.

Поить себя спиртовой настойкой опия герцог запретил. Терпел. Желал быть в ясном сознании.

Пригнанные на пределе лошадиных сил из города нотариусы — на шестерке мощных рысаков, запряженных в императорскую карету цугом, — в состоянии пребывали ошарашенном, но работоспособном. Пока мои штурмовики отгоняли от герцога хирургов, они составили завещание Ремидия, «пребывающего с ясной головой и в твердой памяти», согласно которому Рецкую марку ему наследовал старший внук, а младший получал автономию в графстве Риест под протекторатом старшего брата. Титулы герцога и маркграфа оставались за старшим. Я сам в случае смерти Ремидия становился регентом герцогства с правами электора до совершеннолетия юного герцога. Прописаны были и ограничения власти регента, налагаемые Палатой баронов в исключительных случаях, а также сама процедура принятия таких ограничений, весьма запутанная и требующая квалифицированного большинства при голосовании.

Окончив диктовку, Ремидий откинулся на свернутый в валик плащ, заменивший ему подушку. Лоб его покрылся испариной. Но предавался он законной своей слабости недолго.

Завещание, заверенное двумя столичными нотариусами, я получил на руки, а копии они оставляли на хранение у себя. Перестраховщик Ремидий. Но ему лучше знать местные реалии.

Хотел он на меня по доброте душевной еще графский титул навесить, но я категорически отказался. Графы в Реции только его внуки, и больше никто. Герцог со мной согласился.

— Теперь можете давать ваш опий, — заявил Реми-
дий с чувством выполненного долга. — Терпеть эти боли
никаких сил уже нет.

И ведь даже не застонал ни разу, только рычал ино-
гда. Железный старик.

В хирургическую палатку я за герцогом не пошел. Не
смогу видеть, как ему отрезают ноги. Я спокойно отно-
шусь к виду крови, но тут... Тут личное. Полюбил я этого
старика.

Император, полусидя у развалин на раскладной по-
ходной кровати, приставленной к каким-то ящикам,
уже отдавал несколько сумбурные приказания. Рядом с
ним крутился генерал Молас. Он по ходу пьесы вносил
необходимые коррективы в монаршую волю. На что Би-
сер только кивал в подтверждение. Все крутилось и вер-
телось, внося в хаос первых часов некую упорядочен-
ность. Мне вроде как делать стало уже нечего.

Оставшиеся в живых дворцовые лакеи выносили
лишний скарб из домика императорского лесничего и
готовили его под временную резиденцию Бисера, те-
перь уже не младшего, а единственного. Император ка-
тегорически отказался ехать в столицу. Может, он и
прав в этом...

Птенцы гнезда Моласа оккупировали кордегардию,
в которой находился сохранившийся городской телефон.
Оборванные взрывом воздушные провода инженерный
унтер из гвардейского городка как раз заканчивал ме-
нять.

Когда у Моласа выдалась свободная минутка, я отта-
щил его в сторонку.

— Где ваши волкодавы? — наехал я на второго квар-
тирмейстера генерального штаба. — Профукали все!
Бойцы невидимого фронта.

Последнюю фразу я сказал зло и с некоторым презрением к его службе.

— Там, где и должны быть, — ответил мне генерал спокойно, но скрывая раздражение. — Работают...

— Тогда почему замок взорвался? — не слезал я с него.

— Судя по всему, взрывчатку заложили давно, — рассуждал генерал. — В замурованном помещении подвала. Похоже, я тогда еще на Восточном фронте был. Готовились взрывать, скорее всего, еще покойного Отония, а Бисер уже так, случайно подвернулся не в то время и не в том месте.

— А Отония просто-напросто отравили, — выдал я ехидное утверждение. — По-простому. Грибков намеренно поел, и все...

— Нет, Савва. У Отония был рак, — сказал генерал и закурил папиросу. — Неизлечимый.

— Почему об этом не знали?

Молас разогнал от своего лица табачный дым и заявил наставительно:

— Здоровье императора есть страшная государственная тайна. Тем более в войну. И особенная тайна то, что в последние месяцы дикие боли ему купировали сильными наркотиками. Железный был человек.

У меня перед глазами пронеслась сцена, когда император, рассекая на аэроплане небо, с радостным смехом стрелял из автомата по воронам. Явно он был тогда под крутой химией. Просто мне в тот момент это и в голову не пришло. И вообще некоторые странности поведения покойного императора прояснились в моем понимании.

— Отоний все поставил на свою реформу имперского гражданства как связующей нити всех земель империи.

И связанной с ней гражданской службы. Скрепы всех имперских племен и народов. Соединение крови и почвы. Он не мог бросить все на полпути. — Молас прикурил папиросу от папиросы. — Иначе бы реформы забуксовали. А там и вообще аристократы свели бы их на нет.

— Понятно, — вдохнул я с силой ноздрями. — Кого прикажете бить первым?

— Все-то ты, Савва, схватываешь на лету. Но торопиться. Надо дождаться их прямого выступления. Иначе нас не поймут. И узурпаторами окажемся уже мы. Даже с законным императором во главе. Твои-то все здесь?

— Все, кроме охраны эшелонов, — доложил я.

— Добро. Мои тоже уже все на местах. Ждут сигнала. Пояжи своим на бицепс белую ленточку. Для опознания. Хоть из бинта сделай. Охраняй императора до прихода ольмюцкой гвардии и жди моего приказа. Давить заговор Бисер назначил меня.

— Мосты, вокзалы, почта, телеграф, телефон, банки и казначейство? — спросил я с ехидной усмешкой.

— Порой мне кажется, что ты прирожденный революционер, Савва, — генерал сплюнул тягучей коричневой табачной слюной и неожиданно заявил: — Хорошо тебе. Ты не куришь. И да, эти объекты берут мои ребята. На твоих, — Молас усмехнулся, — уже по традиции контрразведка и... гвардия. Та, что пойдет за Тортфортами. У них здесь немало сторонников. Да и клан их не самый малочисленный в империи.

— Манифест уже написан? — спросил я главного разведчика империи.

— Какой манифест? — не понял генерал.

— О счастливом избавлении монарха от гибели, уготованной ему предателями Отечества, продавшихся

островитянам. — И я показал ему кусок зачищенного провода.

— Угу... — Молас упал взглядом внутрь себя. — А как мы его доведем до народа? Мы тут пока почти что в изоляции.

— У нас в активе, как я понял, минимум два дирижабля. Эх, говорил я герцогу взять с собой аэропланы. А он мне — «не ко времени».

— Плотно — раз. А еще кто? — пропустил мои рассуждения о самолетах Молас.

— Бывший принц, а ныне трудящийся империи на ниве воздушных перевозок, — усмехнулся я. — Зря, что ли, ему Солдатский крест вчера вручали сразу после выборов императора?

— Ты так думаешь? А не сам ли он стоит за заговором? — Генерал продемонстрировал мне изыск профессиональной деформации.

— Экселенц, хотел бы Тон быть императором, он просто выдвинул бы свою кандидатуру на голосование, не строя сложных уборовных. А он ее, наоборот, снял. Где тут ближайшая большая типография?

— В Тортусе.

— Тем лучше, — улыбнулся я, удивившись, что в столице нет такого важного предприятия. — Вряд ли граф подумает, что мы будем резвиться на его заднем дворе. А на обратном пути надо листовки с манифестом разбрасывать над всеми станциями железной дороги и городами. Сейчас самое страшное — это информационный вакуум. Тортфорт свое слово уже сказал, а другого никто и не слышал. К примеру, о том, что император жив. И от присяги, которую чиновники давали ему сегодня утром по всей стране, их никто не освобождал.

— Ты прав, Савва. Не все делается специальными силовыми операциями. Действуй. — И Молас отправился разгонять верхами свою немногочисленную свиту.

А я остался исполнять свою же инициативу. Как всегда в армии. С одним офицером отдела второго квартирмейстера генштаба, оставленным мне Моласом, сочинили краткий манифест о возблагодарении ушедших богов, даровавших императору жизнь там, где обычно не выживают. Текст — дело десятое. Главное в такой бумаге подпись и начало: «Мы, законно избранный курией имперских электоров срединный император Бисер, первый этого имени, в тяжкую для страны годину...»

Ну и выделили в тексте особые полномочия, дарованные императором мне, Аршфорту и Моласу на время ликвидации гвардейского мятежа.

Оставили даже графу Тортфорту лазейку приползти с повинной к подножию трона, мол, нельзя было на фоне таких слухов оставлять империю без управления, он же, как услышал благую весть, поспешил выразить свои верноподданнические чувства... Между строк манифеста такое его поведение напрашивалось. Хотя тем же манифестом в другом абзаце снимали его со всех государственных постов.

Переписали набело, подписали манифест у мало что соображающего от контузии и лекарств императора и отослали этого офицера к Плотто на аэродром. И не с приказом даже, а с именованным императорским рескриптом.

К месту нашей новой дислокации вокруг императора стали подтягиваться отогузские гвардейские драгуны с фронтовым опытом цугуцельских перевалов и оземские королевские гренадеры, необстрелянные, но прошед-

шие выучку по программе штурмовиков на полигоне у Многана. С ними я почувствовал себя уверенней. Свои силы лучше всего собирать в единый кулак, раз уж я по факту стал тут главнокомандующим контрреволюции. Генералом Галифе, блин...

К тому же королевские гренадеры кроме винтовок Шпрока имели на вооружении складные пистолеты-пулеметы Гоча в деревянной кобуре. Они же пригнали с собой из инженерного городка, где квартировали рядом с нами, обоз с продовольствием, полевыми кухнями и запасом патронов. А у отогузов оказалось даже по одному ручному пулемету на отделение. Когда только успели закупить их у Гоча?

Готовились электоры заранее ко всякому... Выборы, они такие... Один я не в курсах высокой дворцовой политики. Я-то своих штурмовиков вооружил по максимуму только из своей кулацкой сущности — шоб було, с оглядкой на русский авось. Хороший был такой славянский божок — Авось полезный, удачу приманивает. Только вот люди часто его с братом путают, который Небось.

Городок вокруг бывшего охотничьего замка (грешно назвать такие капитальные и вычурные здания деревней) стал реально напоминать военный лагерь инсургентов. Мне даже стало жалко красивого «дикого» парка, в который поколениями ландшафтных дизайнеров было вложено немало труда. Вытопчут все солдаты, как слонопотамы. Иначе они не умеют.

Обошел предполагаемые позиции нашей обороны и понял, что выученики Вахрумки на занятиях мух не ловили. Размечают все по науке. Под их руководством императорские дворцовые гренадеры, мягко нами разоруженные (только патроны отобрали у них на всякий слу-

чай), копали окопы и сооружали ДЗОТы на столичном направлении, используя в полевой фортификации конструкции разрушенного дворца. Это хорошо, а то расклад чисто по количеству бойцов пока не в нашу пользу. Со всем не в нашу... А первая наша задача, самая главная — сохранить императору жизнь, а не столицу штурмовать.

Весь расчет только на то, что у императорских гвардейцев — сторонников Тортфорта артиллерии негусто: всего две конные батареи в императорской гвардии. Шестнадцать полевых пушек трехдюймового калибра, которые всегда демонстрировали на парадах. Но у меня и этого нет — всего три ствола и к ним по сорок снарядов в боеукладке. Отрядил, конечно, обоз на станцию к нашим эшелонам круговой дорогой, но когда они обратно будут? Зато у меня пулеметов намного больше.

Больше всего меня беспокоило отсутствие каких-либо сведений от фельдмаршала.

Ну вот, первые ласточки появились в колонне на столичной дороге. Хорошо маршируют. Гвардия!

— Тревога!

— Занятие позиций согласно диспозиции пулеметного огневого мешка!

— Бегом!

Бронетехнику в два кулака. Ударный — «артштурм» и четыре пулеметных танка. Поддерживающий — «элика», «коломбина» и БРЭМ.

Эскадрон отогузских драгун в засаду — на фланговый обход и добивание бегущего противника. Не факт, что такое нам удастся, но ободрить личный состав никогда не мешает.

Эх, сейчас бы всю бывшую мою «железную» бригаду сюда целиком. Раскатал бы всех в тонкий блин и порвал бы, как Тузик грелку.

Но тревога оказалась ложной. Пришла сводная представительская рота оногурского гвардейского саперного батальона. Того самого батальона, который мне мосты строил перед наступлением на фронте. За боевые заслуги саперы оногурским королем были причислены к его гвардии. Впечатлился король. Больше всего тем, что по моему представлению около ста человек (их работа трое суток в ледяной воде была приравнена мною к подвигу в бою) награждены Солдатскими крестами. Такое саперами, не избалованными почестями и наградами, не забывается.

Командовал ею знакомый мне по фронту батальонный инженер, теперь уже комбат. Он мне и тогда показался толковым человеком. Вот и сейчас он мне вываливал свои резоны.

— Как бы то ни было, ваша милость, — все же успел приучить их барон Тортфорт к феодальному снобизму вопреки уставу, — но мы решили, что будем с нашим королем. Живым или мертвым. Забальзамируем его тело и отвезем домой. А Тортфорты нами командовать больше не будут. Хватит.

М-да... не повезло мятежникам, что этими саперами на фронте командовал не лучший представитель клана Тортфорттов.

— Император чудом выжил и нуждается в вашей защите. Ваш король мертв, как и остальные электоры. Вы с нами? — спросил я с надеждой, а то могут и нейтральными остаться.

— Это надолго? — переспросил инженер.

Я только развел руками.

— Мы остаемся, если только нами будете командовать лично вы, командор. Мы вас видели в бою.

Я облегченно выпустил из легких воздух. Фронтное братство не пустой звук, как оказывается.

— Тогда прошу вас, инженер-майор, построить всех у домика лесничего для принятия торжественной присяги императору.

Похоже, граф Тортфорт остался без инженерного обеспечения совсем.

Смеркалось. Небо нахмурилось. Воздух ощутимо потеплел и с неба повалил мягкий пушистый снег, засыпая аккуратные штабеля кирпича и камня, убранные солдатами с развалин дворца. И сами развалины. И крыши оставшихся целыми домов, в которых, стуча молотками, обыватели спешно вставляли новые рамы и стекла.

Откуда-то повыползали жены и слуги дворцовых служителей и разбирали с садовых дорожек своих покойников по домам. Обмывать и обряжать к утренним похоронам. Им не препятствовали.

Электоров и их свитских, а также императорских придворных, которых настигла в охотничьем дворце смерть, перенесли в большой охотничий ледник, предназначенный для трофеев императорских охот в этом заказнике.

Для погибших дворцовых гренадеров при свете факелов невесть откуда взявшиеся плотники во дворе строили простые гробы. Не до понтов сейчас.

На парковых лужайках рядами выросли большие взводные палатки — импровизированные казармы. И даже дощатые сортиры, как то и положено по уставу, саперы выстроили не ближе двадцати пяти метров от крайней «казармы».

Жалко парк. Сколько денег и труда придется снова вбухать, чтобы его восстановить в первозданной красоте. Когда обрезки бревен и досок, стружка и прочий древесный мусор с взорванного дворца кончатся, солдаты начнут деревья на дрова валить. И плевать им, что деревья здесь высажены редкие для этой географической полосы — служивым тепла в палатке хочется. Зима на дворе.

Драгун я давно разослал по округе ближними и дальними патрулями, как только оногурские саперы приняли присягу новому императору. За ними присягали столичные дворцовые гренадеры, гвардейские инженеры и прочие части, не относящиеся к Ольмюцу. Каждые под двумя знаменами — империи и своего королевства — герцогства.

С момента взрыва прошло вряд ли больше пяти часов, а казалось, что вечность. По крайней мере, неделя.

— Ваше императорское и королевское величество, — обратился я к Бисеру, который после ухода гвардейцев с площади так и сидел в кресле на высоком крыльце дома лесничего, осыпaeмый снегом. — Осмелюсь указать, что вам лучше зайти в помещение. Не дай ушедшие боги, вы еще ко всему и зазябните.

Бисер у нас теперь не только император под номером один, но одновременно и ольмюцкий король под номером девятнадцать.

— Савва, хоть ты меня не подкалывай, — капризно скривил губы монарх и тут же сменил тему: — Где Арш-форт?

— Неизвестно, ваше императорское и королевское величество, — развел я руками. — Не имею от него никаких сведений.

Император закусил губу от досады, но раздражение свое на фельдмаршала вылил в другой форме.

— Достал ты меня, Савва. Повелеваю тебе впредь всегда и везде обращаться ко мне только кратким словом «государь». Привилегия у тебя теперь такая. Ясно?

— Так точно, государь. Ясно, — улыбнулся я. Хорошая привилегия. Значимая. А главное, удобная.

— Уже лучше, — криво улыбнулся монарх и тут же встревоженно спросил: — Где Молас?

— Еще в отлучке, государь. По своим делам где-то бегает.

— Что с Ремидием?

— Ему отрезали ноги по колени. Теперь он спит под опиум. В вашей временной резиденции на втором этаже.

— А что у нас хорошего?

— Государь, пройдемте в дом, к камину. Там я все вам расскажу. Главное, что сегодня, похоже, атаковать нас никто не собирается.

— Да... — вымученно улыбнулся император. — Гвардия ночью не воюет. По уставу не положено. — И внезапно перешел на шепот, воровато оглядываясь: — Савва, мне эти гадские врачи выпить не дают. Ты мне достань немного коньяку. Неужели в подвалах дворца ни одной целой бутылки не осталось?

Императорский лесничий встретил меня в холле своего дома, руководя гренадерами, которые таскали охапки заранее наколотых сухих березовых дров. Старые поставки, наверное. Окрест охотничьего дворца я берез не видел.

— Ваша милость, — поклонился мне придворный, — я взял на себя смелость озаботиться теплом для царственных пациентов в этом госпитале, в который превратили мой дом.

Таки да — действительно госпиталь. На первом этаже комнаты врачей, малая операционная, аптека, кухня. Сестры милосердия и сиделки, приходящие из семей дворцовых служителей, которые тут служат поколениями. И хотя они не считаются придворными чинами императора, но все давно потомственные дворяне, несмотря на физический труд, которым занимаются. На втором этаже комнаты привилегированных пациентов — императора и рецкого герцога. Охрана и посыльные скороходы из оземских гвардейцев. Чуланчик без окна, который я себе определил как спальное место и в котором уже засунул под топчан на всякий случай ручной пулемет, тоже на втором этаже. Дверь в чулан в пределах видимости охраны императора и герцога.

Никакого недовольства моей наглой экспроприацией его жилья под нужды монарха императорский лестничий не выказывал. Наоборот, казался гордым этим обстоятельством.

— Вы сами-то как устроились? — проявил я вежливость, хотя, откровенно, мне это было по барабану.

— В оружейном флигеле, где хранится охотничье оружие для гостей императорской охоты. На тот случай, если те приезжали без своего. Моей семье там удобно. А что тесно, то это же не навсегда, — улыбнулся он.

Лет ему было за шесть десятков. Седой совсем. Лицо морщинистое. Но двигался легко и упруго.

— На кого тут обычно охотились? — спросил я, чтобы что-то сказать. Мои мысли были заняты совсем другим.

— На благородного оленя, косуль, лосей и зайцев, ваша милость. По осени — на фазанов. Зимой — на лису. И на волка, хотя он и стал редкостью в последние годы здесь. Для охоты на кабана есть другой заказник, у реки. Это отсюда на юг. Только вот разогнали сейчас взрывами да солдатами всю живность. Да и побили много. Дорвались гвардейцы до запретного — на кострах сейчас косуль жарят. Придется мне года два зверей заново приваживать до бывшего поголовья.

И опять никакого недовольства в голосе. Только понимание ситуации. И еще горечь.

— Почти ручные были косули...

— Сколько у вас егерьей в охотничьем хозяйстве? — поменял я тему. Не до косуль сейчас, когда император в опасности.

— Два десятка, ваша милость, — ответил он, долго не раздумывая.

— Вооружены?

— А как же, ваша милость. Они же императорские ловчие егеря. И стреляют все очень метко.

— Вы мне их одолжите на несколько дней? Как проводников. Они же вокруг все тропки знают.

— Как прикажете, ваша милость, — поклонился он.

— Лыжи есть?

— А как же, ваша милость. На любой вкус. И беговые, и охотничьи. Десятка три найдется. А если еще по домам собрать...

— Хорошо. Я доволен вами. Присылайте егерьей ко мне сюда. В холл. Я поставлю им задачу на службе императора. Присягу они приняли?

— Сразу после гвардейцев, ваша милость, одновременно со всеми служителями. Мы все верные слуги императора.

Императорский лесничий еще раз поклонился мне и вышел на двор.

Ну и где черти носят Моласа, пока мы тут сидим слепые и глухие?

Как написал один придворный поэт, «измена никогда удачей не кончается, тогда она иначе называется». У мятежников с каждым часом утекает возможность удержать власть. Это в теории из совсем даже не этого мира. Но пока в стране никто не знает, что император жив, Тортфорт может резвиться как хочет. У нас тоже с каждым часом положение не улучшается. Завтра нас придут убивать. Однозначно. Живой император инсургентам не нужен. А мы все определены на заклание за компанию с ним. Вплоть до того, что раскатают весь этот пряничный городок полевой артиллерией. Надо, кстати, осмотреть подвал в доме на предмет бомбоубежища.

Где этот Аршфорт, черт возьми? И где наши верные войска? Так ведь и на измену сесть недолго. Нервы все и так на вздёрге. Я тут кто такой, чтобы решать судьбы империи? У меня даже придворного звания никакого при императоре нет, чтобы меня тут слушались.

Мне бы своего герцога домой отправить. В безопасность. В покой.

В холл спустился пожилой оземский писарь, который постоянно дежурил на втором этаже около палаты императора.

— Ваша милость, император приказал это передать вам, — и протянул мне кожаный тубус. — Сейчас он спит, — поспешил предупредить меня писарь, так как я уже дернулся к лестнице.

Внутри тубуса находилось несколько бумаг.

Приложение 1
ТАБЕЛЬ О РАНГАХ ИМПЕРСКОЙ АРМИИ

Номера категорий	Пехота Егеря Артиллерия* Горные стрелки Административная служба Интендантство	Кавалерия	Авиация и воздухоплавательные части	Инженерные войска	Военно-морской флот
1	Генерал-фельдмаршал				
2	Генерал-полковник**		Адмирал неба**		Адмирал моря*
3	Генерал пехоты	Генерал кавалерии	Маршал неба	Инженер-генерал	Адмирал
4	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	Вице-маршал неба	Инженер — генерал-лейтенант	Вице-адмирал
5	Генерал-майор***	Генерал-майор***	Капитан-командор авиации (командор неба)***	Инженер — генерал-майор***	Контр-адмирал***
6	Полковник	Полковник	Фрегат-капитан неба	Инженер-полковник	Капитан-командор

Номера категорий	Пехота Егеря Артиллерия* Горные стрелки Административная служба Интендантство	Кавалерия	Авиация и воздухоплавательные части	Инженерные войска	Военно-морской флот
7	Подполковник	Подполковник	Корвет-капитан неба	Инженер-подполковник	Фрегат-капитан
8	Майор****	Майор****	Капитан-лейтенант неба***	Инженер-майор	Корвет-капитан
9	Капитан	Ротмистр	Лейтенант неба	Инженер-капитан	Капитан-лейтенант
10	Старший лейтенант	Баннерет	Мичман неба	Старший инженер-лейтенант	Лейтенант
11	Лейтенант	Корнет	—	Инженер-лейтенант	Мичман
12	Штаб-фельдфебель*****, штаб-фельдфебель артиллерии	Штаб-вахмистр*****	Кондуктор неба*****	Штаб-фельдфебель*****	Кондуктор*****, гардемарин

13	Старший фельдфебель, старший фельдфебель артиллерии, старший вахмистр конной артиллерии	Старший вахмистр	Старший фельдфебель неба	Старший фельдфебель	Старший боцман
14	Фельдфебель, фельдфебель артиллерии, вахмистр конной артиллерии, портупей-юнкер	Вахмистр, портупей-юнкер	Фельдфебель неба, портупей-юнкер неба	Фельдфебель, инженер-юнкер	Боцман, гардемарин
15	Унтер-офицер, старший фейерверкер, юнкер	Унтер-офицер, юнкер	Унтер-офицер неба, авиаюнкер	Унтер-офицер, юнкер	Боцманмаг, юнкермарин
16	Штаб-ефрейтор, фейерверкер	Штаб-капрал	Капрал неба	Штаб-ефрейтор	Обер-маат
17	Старший ефрейтор, старший бомбардир	Старший капрал	Матрос 1-й статьи	Старший ефрейтор	Маат
18	Ефрейтор, бомбардир	Капрал	Матрос 2-й статьи	Ефрейтор	Матрос 1-й статьи
19	Старший стрелок, старший канонир	Старший кирасир и т.п.	Юнга	Старший сапер	Матрос 2-й статьи

Номера категорий	Пехота Егеря Артиллерия* Горные стрелки Административная служба Интендантство	Кавалерия	Авиация и воздухоплавательные части	Инженерные войска	Военно-морской флот
20	Стрелок, канонир	Кирасир, драгун и т.п.		Сапер, минер и т.п.	Юнга

Все чины разбиты на двадцать классов категорий — рангов.

Чины императорской и королевской гвардии имеют при одинаковом названии чина преимущество в два класса по рангу.

Чины воздухоплавательных отрядов имеют при том же названии чина преимущество в один класс по рангу перед морским флотом.

* Чины артиллерии имеют обязательную приставку «артиллерии» позади названия чина, к примеру: полковник артиллерии или полковник конной артиллерии.

** Чин генерал-полковника, как и чин адмирала моря (адмирала Северного моря, адмирала Южного моря и т. п.), временный, присваивается только во время войны, когда надо выделить командующего среди равных генералов и адмиралов. Может быть оставлен при выходе в отставку как почетный. Чин адмирала неба есть императорская регалия.

*** Чин генерал-майора дает по выслуге потомственное имперское дворянство.

**** Чин майора дает личное имперское дворянство (но не рыцарство) по выслуге. Что-то вроде средневекового оруженосца с правом на личный герб. Пользуется всеми привилегиями дворянства, кроме права передать его по наследству.

***** Чин штаб-фельдфебеля и к нему приравненных существует, но по традиции давно не присваивается. Исключения только подтверждают правило.

Приложение 2

ОРДЕНА ИМПЕРИИ

Солдатский крест — присваивается исключительно за личную храбрость на поле боя перед лицом врага. Награждаются им только в военное время от имени императора. На нижнем луче креста выбита дата начала войны.

1-й класс — знак ордена носится на булавке на левой стороне груди ниже петличных наград.

2-й класс — знак ордена носится в петлице, а при полевой форме только ленточка в петлице.

Рыцарский крест — присваивается исключительно за личную храбрость перед лицом врага тем, кто уже имеет Солдатский крест 1-го и 2-го класса. Имеет вид Солдатского креста, но носится на шее. Награждение Рыцарским крестом одновременно автоматически возводит человека в личное дворянство как «имперского рыцаря».

Имперский крест — высший орден империи, присваивается за особые заслуги перед всей империей. Дарует потомственное дворянство. Знак ордена носится на широкой ленте через плечо. Офицер или чиновник, получивший Имперский крест, возводится автоматом в следующий чин с абсолютным старшинством по производству в новом чине.

ОРДЕНА КОРОЛЕВСТВА ОЛЬМЮЦ

Орден Бисера Великого — высший орден Ольмюцкого королевства.

Имеет пять степеней.

1-я степень — знак ордена носится на широкой ленте через правое плечо и со звездой ордена на левой стороне груди.

2-я степень — знак ордена носится на шее и со звездой ордена меньшего размера на левой стороне груди.

3-я степень — знак ордена носится на шее.

4-я степень — знак ордена носится в петлице.

5-я степень — медаль ордена «За полезное», носится в петлице на ленте ордена.

Крест военных заслуг — присваивается королем за военные заслуги исключительно в военное время. На нижнем луче креста выбита дата начала войны.

Крест военных заслуг с мечами — присваивается за личную храбрость перед лицом врага.

Крест военных заслуг с венком — присваивается за военные заслуги, связанные с командованием людьми.

Крест военных заслуг с венком и мечами — присваивается за заслуги, связанные с командованием людьми, и проявленную при этом личную храбрость перед лицом врага.

1-я степень — знак ордена носится на широкой ленте через левое плечо.

2-я степень — знак ордена носится на шее.

3-я степень — знак ордена носится в петлице.

4-я степень — медаль ордена «За отвагу», носится в петлице на ленте ордена.

Кавалер любой степени Креста военных заслуг имеет привилегию на непосредственный суд самого короля.

Король может в знак особых заслуг присвоить уже выданному ордену трофей, который носится над верхним лучом креста. Имеет вид разнообразной военной арматуры на фоне штандарта или скрещенных знамен. Может быть присвоен и в мирное время.

Золотое оружие с надписью «За храбрость» с темляком ленты Солдатского креста — награждают главы автономных субъектов империи (короли, герцоги и т. п.), так как Солдатским крестом может наградить только император. Считается равным Солдатскому кресту 2-го класса, но более почетной наградой.

Знак за ранение «Слава пролившему кровь за Родину».

Одно-три ранения — знак серебряный.

Свыше трех ранений — золотой.

Носится на булавке ниже Солдатского креста 1-го класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРЕЦ. КРОВЬ И ПОЧВА. <i>Фантастический роман</i>	5
<i>Приложение 1.</i> Табель о рангах имперской армии.	275
<i>Приложение 2</i>	
Ордена империи	279
Ордена королевства Ольмюц	280